

ШАРЛОТТА
ЛИНК

Der Fremde Gast
НЕЗНАКОМЕЦ

Москва
2017

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44
Л59

Charlotte Link
DER FREMDE GAST

Original title: DER FREMDE GAST by Charlotte Link
© 2005 by Wilhelm Goldmann Verlag, München
© 2012 by Blanvalet Verlag, München a division
of Verlagsgruppe Random House GmbH, München, Germany

Оформление *С. Груздева*

Линк, Шарлотта.

Л59 Незнакомец / Шарлотта Линк ; [пер. с нем. И. Франк]. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с.

ISBN 978-5-04-089080-4

Романы Шарлотты Линк регулярно занимают первые места в списке бестселлеров еженедельника «Шпигель», главного СМИ Германии и Евросоюза, а общее число проданных книг превысило 30 миллионов.

В обычное июльское утро Ребекка Брандт, владелица прекрасного дома на побережье Прованса, решила, что пришло время свести счеты с жизнью. Лишь неожиданное появление в ее доме туристов из Германии, супругов Мариуса и Инги, удержало женщину от рокового шага. Однако во время морской прогулки на яхте Мариус исчез. Инга в отчаянии, но верит, что с супругом всё в порядке и он найдется. На это же надеется и полиция Германии: Мариус подозревается в убийстве своих приемных родителей, ужаснувшем своей жестокостью даже видавших виды стражей порядка...

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

© Ирма Франк, перевод на русский язык,
2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089080-4

Пролог

АНОНИМНОЕ ПИСЬМО
К САБРИНЕ БАЛЬДИНИ

Наступил май... Как же прекрасно зеленеет и цветет твой сад, Сабрина! Я видел тебя вчера вечером, когда ты еще сидела на улице. Где же был твой муж? Он проводит мало времени с тобой дома, не так ли? А знает ли он, собственно, что ты вовсе не та верная супруга, которую он в тебе видит? Ты покаялась ему во всех своих грехах? Или все самое важное хранишь в себе? Мне было бы интересно узнать, сможешь ли ты состариться рядом с ним и при этом сохранить в тайне свои измены?

Но как бы там ни было, ты часто бываешь одна. Уже стемнело, а ты все еще оставалась на улице. Позже ты отправилась в дом, но дверь на террасу оставила открытой. Как опрометчиво с твоей стороны, Сабрина! Разве ты никогда не слышала, что это может быть опасно? Мир полон злых людей... полон мстительных людей. Мсть — это зло, но порой она бывает вполне понятной, ты не находишь? Каждый получает то, что заслужил. Этот мир можно вытерпеть только в том случае, если веришь в сбалансированную справедливость. Но порой она заставляет ждать себя слишком долго, и тогда нужно ее подстегнуть...

Ты ведь понимаешь, Сабрина, что заслужила смерть, не правда ли? Это тебе должно было быть ясно с тех самых давно прошедших дней, когда ты так ужасно спасовала. Это называют неказанием помощи — то, что ты

совершила. Или лучше сказать — не совершила... Что было тому причиной, Сабрина? Лень? Равнодушие? Ты ни с кем не хотела связываться? Чтобы не обжечь пальцы? Чтобы не стукнуться об угол? Ах, всегда одни и те же истории! Ты всегда с таким усердием выступала в защиту других... Но только до тех пор, пока это не грозило тебе неприятностями. Много слов, а за ними ничего. Это ведь так удобно — отвернуться в сторону! А если вмешаешься, то ничего, кроме неприятностей, не получишь...

Но платить надо обязательно. Когда-нибудь. Всегда. Ты наверняка надеялась: «Да минует меня чаша сия», не правда ли, Сабрина? Прошло так много лет... Уже и воспоминания поблекли, а возможно, ты давно вытеснила те дни из своей памяти и постепенно привыкла думать, что тебе еще раз повезло. Что не пришлось заплатить...

Ты действительно так думала? Я считал тебя более умной. И более опытной.

А теперь срок подошел. Когда-то он должен был наступить, и я полагаю, что дольше уже не стоит ждать. Что касается меня, мне все ясно. Приговор тебе вынесен, и очень скоро я приведу его в исполнение. В отношении тебя и Ребекки. Она несет такую же вину, как и ты, и было бы несправедливо, если б тебе одной пришлось подставлять свою голову.

Для каждой из вас я найду достаточно времени. Это будет непросто, но произойдет без большой шумихи. Вы будете терпеть мучения. У вас будет тяжелая смерть. Она будет тянуться достаточно долго, чтобы у вас была возможность как следует поразмыслить о себе и о вашей жизни.

Ты уже с нетерпением ждешь встречи со мной, Сабрина? Тебе так не терпится, что вечерами ты уже не можешь подолгу сидеть в своем красивом саду? Что ты теперь будешь внимательно следить за тем, чтобы дверь на террасу была всегда закрыта? Что ты станешь осторожно оглядываться налево и направо всякий раз, когда

покидаешь свой дом? Что ты будешь возраживать, когда позвонят в дверь? Что по ночам, лежа в постели, ты не сможешь сомкнуть глаз, когда твоего мужа в очередной раз не окажется дома, а ты со страхом будешь вслушиваться в темноту и спрашивать себя снова и снова, действительно ли ты закрыла все двери. Или будешь всегда оставлять свет включенным, потому что ты уже не переносишь всю эту черноту вокруг себя? Но ты ведь знаешь, что и это не защитит тебя, не так ли? Я приду именно тогда, когда наметил это себе. Ты не сможешь защититься.

А вообще, ты и сама об этом знаешь.

Я скоро снова дам о себе знать, Сабрина. Как приятно понимать, что все это время ты будешь день и ночь думать обо мне... И что твой вид будет становиться все более жалким и серым... Мне доставляет удовольствие наблюдать за этим.

Я с тобой.

Воскресенье, 18 июля

Ей снилось, что в дверь ее дома звонит маленький мальчик. Она шуганула его, как делала со всеми непрошеными гостями, желавшими что-то от нее получить. Эти попрошайнические налеты всегда были ей как бельмо на глазу: она чувствовала себя обремененной и принужденной, когда внезапно кто-то появлялся на ее участке и протягивал руку. В большинстве случаев речь шла, конечно, о пожертвованиях на добрые дела, но кто же может знать, насколько честны эти люди? И даже если они трясли своими удостоверениями, которые подтверждали их уполномоченность на сборы от имени благотворительных обществ, быстро определить, фальшивка ли это, хорошо или плохо сделанная, все равно невозможно. Особенно когда тебе шестьдесят семь лет и у тебя проблемы с глазами.

Стоило ей закрыть перед мальчиком дверь, как кто-то вновь позвонил в звонок.

Она резко приподнялась в постели, сбитая с толку, потому что второй приснившийся ей сон вернул ее в явь. Картина, увиденная во сне, все еще стояла у нее перед глазами: остренькое, бледное, почти прозрачное лицо мальчика с огромными глазами. Он просил не денег, он просил поесть.

— Я так сильно хочу есть, — сказал он тихо и в то же время почти обвинительно.

Она захлопнула дверь с возмущением и страхом из-за того, что ей пришлось столкнуться с такой стороной жиз-

ни, которую ей не хотелось бы видеть. Она отвернулась и попыталась забыть эту картину, но в этот момент в дверь снова позвонили, и она подумала: «Это опять он?»

Почему она сейчас проснулась? Был ли второй звонок на самом деле? Подобные звуки частенько «просачиваются в сны», и обычно это даже приятно. Это мог быть просто-напросто будильник, но у нее дома его не было. В конце концов, они уже больше не работали, а просыпались рано утром сами.

Было очень темно, но через щели жалюзи внутрь проникало немного света от уличных фонарей. Она могла видеть рядом с собой спящего мужа. Тот, как всегда, лежал совершенно неподвижно, а его дыхание было таким равномерным и тихим, что нужно было с очень большим напряжением прислушаться, дабы убедиться, что он вообще еще дышит. Она уже читала о том, как пожилые пары вечером вместе засыпали, а утром один из них просыпался, а второй уже мертв. И она тогда подумала: если Фред помрет таким образом, то пройдет довольно много времени, пока она поймет, что произошло.

Ее сердце стучало резко и быстро. Бросив взгляд на электронные часы, на которых цифры светились светло-зеленым цветом, она отметила, что сейчас около двух часов ночи. Неподходящее время, чтобы просыпаться. В этот час люди так незащитны... Во всяком случае, она чувствовала себя именно так. У нее все чаще возникало чувство, что если с ней когда-нибудь случится что-то ужасное — например, если она умрет, — то это обязательно произойдет ночью в промежутке от двух до четырех часов.

«Тяжелый сон, — сказала она себе, — и не более того. Ты можешь спокойно спать дальше».

Она опустила голову обратно на подушку, и в этот момент снова раздался звонок. И тут она поняла, что это был не сон.

Кто-то звонил ей в дверь в два часа ночи.

Она снова села и прислушалась к своему собственному лихорадочному дыханию в угнетающей тишине, последовавшей за этим резким звонком.

«Это совершенно безопасно, — подумала она, — я и не обязана открывать».

Ничего хорошего это означать не могло. Даже торговцы вразнос не звонят в это время. Тот, кто внезапно будит людей среди ночи, либо имеет злые помыслы, либо попал в тяжелую ситуацию. И пожалуй, последнее было более вероятным. Взломщик, грабитель или убийца ведь не станет звонить?

Она включила свет и наклонилась над своим спящим мужем. Тот вообще ничего не мог слышать, потому что заткнул уши «Оропаксом»¹. Фред был столь чувствителен к звукам, что даже шорох ветра в деревьях перед спальней уже тревожил его. Или скрип половицы, или завядший листок от комнатных растений, что оторвался и скользнул на пол... От всего этого Фред просыпался, и это являлось для него самой большой неприятностью. То, что он вынужден был проснуться, когда уже решил спать, приводило его в неимоверную ярость, и это портило ему настроение на несколько дней. Поэтому в один прекрасный день он начал применять «Оропакс». А его жена с облегчением вздохнула.

Из-за этого она теперь медлила, не решаясь будить мужа. Он мог так рассердиться на нее, что потом перестал бы разговаривать с ней почти на целую неделю. По крайней мере, так будет в том случае, если позже он посчитает, что вырывать его из сна не требовалось. Но если выяснится, что лучше было бы все же разбудить его, а она этого не сделала, ее ожидает тот же исход. Она была уже сорок три года замужем за этим мужчиной, и вся ее жизнь с ним состояла, по большей части, из таких моментов: разрываться между двумя возможностями, нерв-

¹ «Оропакс» — тампоны для затыкания ушей от шума.

но взвешивая, какой путь окажется правильным, и всегда придерживаясь наиглавнейшего правила — не провоцировать его ярость. Жизнь с ним была очень и очень непростой.

Звонок раздался в третий раз; теперь он был более длинным, требовательным и настойчивым. Это происшествие не могло обойтись без жертв с ее стороны, и она потрясла мужа за плечи.

— Фред! — прошептала женщина, хотя он не мог ее услышать. — Просыпайся! Пожалуйста, просыпайся! Кто-то у двери в дом!

Фред, ворча, неохотно повернулся на бок, а затем неожиданно и молниеносно полностью пробудился и, выпрямившись, сел в постели. И уставился на свою жену.

— Что, черт побери... — начал он.

— Кто-то у двери!

Фред мог видеть только движение ее губ. Он неохотно выдернул свои затычки из ушей.

— Что случилось? Как ты смеешь будить меня?

— Кто-то звонит в дверь. Уже в третий раз.

Муж все еще таращился на нее, словно она была ненормальной.

— Что это значит? Кто-то звонит в дверь? В это время?

— Я тоже обеспокоена. — Она надеялась, что звонок раздастся снова, потому что заметила, что Фред ей не верит, но пока все было тихо.

— Тебе приснилось. И из-за какого-то дурацкого сна ты считаешь, что должна разбудить меня? — Глаза мужчины зло сверкнули; его белые волосы на голове торчали во все стороны.

«Ворчливый старик в дурном настроении, — подумала она, — уже давно мне несимпатичный. Может быть, я проживу еще двадцать лет. Если он не помрет раньше меня, то получится, что я прожила с ним шестьдесят три года. Шестьдесят три!»

Эта мысль вдруг так огорчила ее, что ей захотелось плакать.

— Грета, если ты еще раз... — начал Фред в полной ярости, но в этот момент в дверь вновь позвонили, и на этот раз еще дольше и непрерывнее, чем прежде.

— Видишь! — воскликнула женщина почти с триумфом. — Кто-то у двери!

— Действительно, — озадаченно произнес ее муж. — Но сейчас... сейчас два часа ночи!

— Я знаю. Но взломщик...

— ...едва ли станет звонить в дверь. Хотя теоретически это был бы его единственный шанс попасть к нам в дом!

Это действительно было так. Четыре года назад, когда они купили этот дом и въехали в него, Фред приложил много стараний и времени, чтобы превратить его в крепость. Это был их приют в старости, как он его называл. Спокойный район на окраине Мюнхена — скорее зажиточный квартал. Раньше они тоже жили в Мюнхене, правда, совсем в другом конце, но тоже в так называемом приличном районе. Однако тогда они были моложе. С возрастом у Фреда появилась настоящая паранойя в отношении взломщиков, так что со временем на всех окнах первого этажа появились решетки, а на жалюзи во всем доме были замки с предохранителями. И конечно же, на крыше была установлена сигнализация.

— Может быть, нам просто проигнорировать звонки? — предложила Грета.

— Проигнорировать кого-то, кто преднамеренно будит нас? — Фред спустил ноги на пол. Для своего возраста он был еще довольно гибким и двигался более-менее легко. Правда, в последнее время очень сильно похудел; его пижама в черно-синюю полоску болталась на нем, как пустой мешок. — Я позвоню в полицию!

— Но ты не можешь этого сделать! Может быть, это кто-то из соседей, кому нужна помощь! Или это... — Женщина не договорила.

Ее супруг знал, кого она имела в виду.

— Почему он должен прийти к нам в случае чего? Он уже целую вечность не показывался, — возразил Фред.

— Тем не менее это может быть он. Нам следует... — По-хорошему говоря, Грета пребывала в совершенной нерешительности: эта задача была ей не по плечу. — Нам нужно что-то делать!

— Я же говорю! Вызвать полицию!

— А если окажется, что это действительно только... *он*?

«Почему у меня всегда такой страх, — подумала она, — даже просто имя его назвать в присутствии Фреда?»

Мужчине надоела вся эта суета.

— Я вначале просто гляну, — сказал он решительно и покинул комнату.

Его жена слышала шаги на лестнице, а затем до нее донесся голос — муж был уже внизу, в прихожей.

— Хэлло? Да кто там?

Позже, когда у нее уже не было возможности поговорить об этом с Фредом и когда она поняла, что ей предстоит прожить не двадцать лет, а лишь часы или в лучшем случае дни, она спросила себя: какой же ответ получил ее муж с той стороны двери, что он так быстро и с готовностью распахнул ее? Она слышала, как были открыты различные предохранительные запоры, а потом до нее донесся глухой удар, который она не смогла объяснить себе, но который заставил ее насторожиться. На руках у нее торчком поднялись мелкие волосики. Сердце не переставало бешено колотиться.

— Фред? — испуганно позвала она.

Что-то внизу с грохотом упало на пол. А затем Грета услышала голос мужа:

— Вызови полицию! Немедленно вызови полицию! Быстрее! Поторопись!

Это был неверный совет. На втором этаже дома телефона не было. Она могла бы еще успеть добраться до своей

ШАРЛОТТА ЛИНК

комнаты, захлопнуть ее и запереть, а потом открыть окно, высунуться в ночь и кричать о помощи. Если б он приказал ей поступить так... Но муж велел вызвать полицию, поэтому она опрометью вскочила с постели и, дрожа всем телом, как осиновый листок, натянула халат и поспешила к лестнице. Послушная жена до последнего. Он сказал вызвать полицию. Телефон находился в зале. У Фреда, кроме того, был еще мобильник, но где он лежал, она не знала.

И только когда она уже находилась на лестнице, до нее дошло, что она совершила роковую ошибку.

Однако было уже поздно.

Вторник, 20 июля

В половине пятого утра Карен оставила попытки еще немного поспать и решила, что будет лучше встать и заняться чем-нибудь полезным, чем еще дольше крутиться в постели и в конечном итоге почувствовать себя совершенно разбитой.

«Но что значит «полезное», — подумала она, — что *в моей жизни* еще является полезным?»

Вольф, ее муж, еще спал — он совсем не замечал бессонницы своей жены. Впрочем, это было к лучшему, потому что он отреагировал бы на нее либо с насмешкой, либо с упреками, причем и то, и другое привело бы к тому, что Карен разрыдалась бы — в очередной раз. Наверняка он заявил бы ей, что она слишком рано отправилась вечером спать, а поэтому и утром неизбежно проснулась слишком рано, и теперь будет сводить всех с ума причитаниями о своей бессоннице...

Может быть, он и прав. В конце концов, то, что он говорил, звучало логично. И, к сожалению, все попытки донести до него иную точку зрения имели мало смысла. Для Вольфа существовало лишь одно мнение — его собственное, и на этом баста. Карен сама знала, что слишком рано ложилась спать вечером, но она была такой изможденной, такой обессиленной, что у нее просто закрывались глаза, что бы она ни делала. Женщина заползала в свою постель, как больная, у которой не оставалось никаких сил, и совершенно без перехода впадала в похожий на наркоз сон, из